

ГЛАВА 1

Тержанту Жанзуану было приказано жечь костры. И первый из них надо было развести на восточной оконечности острова, чтобы баржи в темноте не налетели на мель. Но это оказалось делом ненужным. Офицеры, хоть и знали, что ночи сейчас весьма коротки, не учли, что коротки они настолько, да и к тому же лунны и светлы. Когда подплыли к острову, он уже проглядывал в рассветной дымке черными стенами деревьев — и без костра его было видно.

Волков так и простоял на носу первой баржи всю ночь. Садился и тут же вставал, и был мрачен. Не успевали они до рассвета высадиться. Он уже начинал бояться, что с тех барж, что идут за ним, начнут просить остановки, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Кавалер оглядывался, пытаясь рассмотреть суда в утреннем тумане, и видел только нос той баржи, что шла за ним. Дальше не видно: темно. А солдаты уже не спят — выспались.

— Эй, господа солдаты! — закричал им кормчий. — Вы все на один борт не наваливайтесь, у нас и так перегруз.

А солдаты смотрели на берег, что проплывал слева от баржи. Берег черный: ни огня, ни единого светлого пятна. Берег мрачный, так и верно — вражеская земля.

— Костер! — закричал вдруг кто-то. — Костер справа!

Волков, солдаты и все остальные, кто был на барже, повернули головы направо. Так и есть: на его земле пылает большой костер. Его издали видно, даже через туман.

— Наконец-то, — выдохнул старый солдат, стоявший рядом с генералом.

А генерал лишь взглянул на него быстро и поспешил на корму. Стал вглядываться назад, глядеть на баржи, которые уже можно было различить в первых лучах рассвета.

И тут в темноте сзади вспыхнул и закачался фонарь: туда-сюда, туда-сюда. Карл Брюнхвальд показал, что поворачивает к берегу. Шесть барж с солдатами Брюнхвальда и Рохи начинали свое дело.

— Ну, храни вас Бог, господа, — тихо произнес Волков и снова отправился на нос баржи.

А солнце уже показалось из-за спины. Уже так светло, что третий костер, что развели люди Жанзуана, костер, который должен указывать на вторую цель на пристани Милликона, уже и не потребовался. Волков и так видел торговый город: хорошие дома над рекой, амбары, причалы, еще причалы, по берегу склады, лодки, баржи.

— Господин! — закричал ему кормчий. — У пирсов свободные места! Я туда пристану! Удобное место для всех трех наших лодок.

Он указал рукой, и кавалер увидел те свободные места.

— Давай, — коротко согласился Волков и тут же обратился к своему оруженосцу: — Господин Фейлинг, вина.

Молодой человек принес господину большую флягу. Волков отпил изрядно, а Фейлинг стоял рядом и ждал.

— А теперь шлем, — распорядился генерал, отдав оруженосцу флягу и надевая подшлемник.

Людишки — не спитса им, сволочам, — уже на пирсах. Птицы орут над рекой и в деревьях, что растут вокруг. Солнце еще не встало, а приказчики уже считают тюки и бочки. Грузчики доедают завтрак, люди торговые уже выходят из своих барж на свет, потягиваясь со сна. И все с удивлением смотрят, как прямо к пирсам, доски об доски, ловко швартуются большие баржи. А в баржах...

Из барж, гуще, чем рогоз, торчали пики, копыя и алебарды. И шлемы, шлемы, шлемы. Увидели местные люди, что приплывшие баржи полны добрых людей — при доспехе, железе и огненном бое.

Волков первый спрыгнул на дощатый настил пирса и пошел по пирсу не спеша, забрала не закрывал, одна рука на эфесе меча, слов-

но прогуливался, поглядывая на всех людей, которые в удивлении на него смотрели. А сидящий на свернутых веревках молодой грузчик еще не прожевал свой завтрак до конца, а тут вскочил и закричал весь-ма нагло:

— Эй, вы... Господин, а кто вы такой? И что с вами за люди?

Дурак, видно, не знает геральдических цветов. Иначе сразу бы понял по бело-голубому ваффенроку генерала, кто он. А тут Максимилиан с баржи сошел и последовал за генералом, на ходу разворачивая великолепное бело-голубое знамя с черным вороном посередине.

— Эшбахт! — охнул кто-то.

И тут же над пирсами звонко и испуганно полетело:

— Эшбахт! Эшбахт!

— Признали наконец, — засмеялся Максимилиан, глядя, как люди принялись разбегаться с пирсов.

Бежал, забыв завтрак, и незадачливый грузчик, вопя на бегу:

— Эшбахт напал! Стража! Эшбахт!

Волков тоже усмехнулся. Да, узнали. Он повернулся к своим:

— Господин Габелькнат, где мой конь?

Конь уже был оседлан, подпруга подтянута, только сходни на пирс сбросить. И вот уже Габелькнат подвел к генералу его коня, помог сесть. Гвардия его тоже выводила коней, а прапорщик уже был в седле. Тяжелое знамя едва колыхалось, тревожимое утренним ветерком. Волков огляделся по сторонам: пирсы почти опустели. Он перекрестился. Господи, пусть в лагере врага о нем узнают раньше, чем о Брюнхвальде.

А с трех барж на пристань уже не спеша спускались солдаты. Офицеры их не подгоняли. Без малого четыре с половиной сотни людей выходили неторопливо, словно купцы, осматривались. Положили сходни, принялись выводить коней.

Волкову прикрикнуть бы, да не хотел он поднимать суету. Тем более что к нему уже бежали офицеры третьей роты с Фильсбибургом во главе, капитан Вилли шагал быстрым шагом. Капитан-лейтенант Фильсбибург подошел первым и остановился, ожидая приказаний.

— Господин генерал...

— Стройтесь в колонну по четыре, пойдем через город на юг, в городе никого не трогать.

— Будет исполнено, — поклонился капитан.

— Капитан Вилли, — продолжал Волков, — кавалерии у меня нет, так что вам придется еще дозором заняться. По десятку человек снарядить вправо от нас, влево, пусть пройдутся, поглядят, что и как, нет ли рядом кого; еще десяток людей направьте вперед, пусть дозором идут первые.

— Сейчас же распоряжусь, господин генерал.

— С дозорными отправьте тех сержантов, что посмышленее. Солдаты пусть снарядят оружие, зажгут фитили и будут наготове, пусть смотрят в оба. Не хочу, чтобы местное ополчение ударило во фланг или с тыла.

— Будет исполнено, господин генерал.

Пора было выдвигаться, Волкову не терпелось поскорее добраться до лагеря врага. Но третья рота есть третья рота: сержанты — олухи и болваны. Офицеры все еще строили своих людей на пристани.

Дозорные уже давно разбежались в разные стороны, а стрелки с капитаном Вилли скрылись на широкой улице, ведущей в центр города. Генерал уже раздражался, но пока молчал.

«А господин капитан Фильсбибург все еще строится. К обеду, видно, на войну поспеет».

Кавалер глядел, как офицер командует своими людьми, и оправдывал его тем, что треть людей только что набраны, у Фильсбибурга не было возможности привести часть в порядок, и сразу же думал о том, что Карл Брюнхвальд нашел бы время хотя бы на отработку построения в колонну.

— Господин генерал, вестовые! — сказал из-за спины Максимилиан.

И вправду, по пирсам весьма бодро скакали два всадника, которых Волков знал в лицо. Поддетели, остановились.

— Господин генерал, мы от полковника, — заговорил один из них.

— Как у него дела? — спросил Волков, стараясь делать вид, будто спокоен.

— Все хорошо, все выгрузились, когда мы уезжали, стрелки и первая рота уже пошли к дороге, вторая рота капитана Хайнквиста заканчивала выгрузку.

— Отлично, скажите полковнику, что мы уже тоже... — он бросил недовольный взгляд на колонну солдат, — почти готовы выдвигаться.

— Еще капитан Мильке спрашивал, кого грузить в первую очередь: кавалерию или ландскнехтов? Баржи уже отплывают к тому берегу.

Генерал задумался. Он вспомнил карту, которую нарисовал капитан Дорфус. Вспомнил и сказал:

— Кавалерию. Пусть грузится фон Реддернауф, а выгрузившись — идет в распоряжение Брюнхвальда.

Вестовые ускакали, а Волков со своими размышлениями остался на пристани. Он стал сомневаться, правильно ли приказал грузиться первыми кавалеристам. Но потом плюнул: разве угадаешь? А теперь уже дело решенное, люди-то уехали.

Тут стала отплывать первая баржа, из которой уже выгрузились все пассажиры, и один молодой солдат принялся кричать, да еще и с надрывом, с волнением:

— Господин генерал... Это что?.. Баржи уходят?

Волков тронул коня, подъехал ближе, чтобы не орать в горло, посмотрел на крикуна в упор и произнес:

— У тебя есть алебарда. Зачем тебе баржи?

Солдат молчал. Подбежавший к нему сержант звонко стукнул его по шлему древком протазана.

— Чего ты пасть раззявил, дурак? Стой да молчи, когда скажут — кричи. Что, законов воинских не знаешь, баран? Чего к генералу лезешь? У! — Он сунул под нос солдату кулак.

А Волков уже закричал, чтобы все слышали:

— Баржи уходят за кавалерией и ландскнехтами, нам на баржи рассчитывать нет резона. Рассчитывайте только на товарищей своих, на крепкий строй да на молитву. И помните: горцы в плен берут, да вот только пленных в живых не оставляют.

Солдаты и без него это знали. Но ничего, еще раз о том напомнить не повредит. Тут Фильсбибург дал команду барабанщику:

— Готовься!

Над пристанью рассыпалась, как сухой горох по доскам, короткая дробь. По рядам солдат прошла волна.

— Барабанщик, «простым шагом вперед»!

И под бой барабана колонна людей двинулась прочь от пристаней.

И тут где-то вдали послышался звук... словно крепкую ткань рвут долгим движением.

— Господин генерал! — оживился господин Фейлинг, ехавший на полкорпуса лошади позади Волкова. — Слышали? Залп был!

— Мушкетеры, — сухо произнес Максимилиан.

Всё он слышал. Генерал приподнялся на стременах и посмотрел вперед, а затем крикнул:

— Капитан Фильсбибург, думаю, что лучше нам ускорить шаг, иначе полковник одолеет врага быстрее, чем мы придем к делу.

— Конечно, господин генерал, — отозвался капитан. — Барабанщик, «скорый шаг». Слышишь? Играй «скорый шаг».

В конце улицы стрелки Вилли встретили арбалетчиков, которые вышли из лагеря тоже, видно, на разведку. И сразу меж ними завязалось дело. Вилли все-таки был еще слишком молод для капитанского звания, иначе связываться бы с арбалетчиками не стал и отвел своих людей. Но он решил, что для семидесяти стрелков, что были с ним, четыре десятка арбалетчиков не задача, что к приходу колонны он очистит дорогу в лагерь врага. А арбалетчики аркебуз не испугались и не побежали, горцы, даже арбалетчики, редко бегают. И вскоре, к удивлению своему, капитан Вилли понял, что арбалеты мало того что заряжаются быстрее аркебуз, так еще и болты кидают намного точнее, чем ружья — пули.

Когда основная колонна показалась из-за поворота, восемь стрелков уже были ранены, а самому капитану достались аж два болта. Хорошо, что молодой офицер, служивший в стрелках, доспех имел до-

брый: стеганку отличную, кирасу, шлем с бугивером. Тем не менее пришлось одному из стрелков вырезать ему наконечник болта из ляжки. А вот у его дорогого коня доспехов не было, и горцы сразу нашпиговали его болтами, как рождественский окорок морковью. Конь так и издох у стены большого сарая, тут же на улице.

Волков злился на Вилли, видя все это: «Дурак, сопляк. И людей потерял столько, и сам поранился, и коня хорошего утробил. Роха, старый осел, предлагая его в капитаны, не видел, что ли, что мальчишка еще не имеет достаточного опыта». Впрочем, он и себя винил в этом, оттого еще больше злился. Очень не хотелось ему потерять офицера в самом начале дела. Слава богу, молодой капитан держался молодцом и, крепко завязав бедро тряпкой, остался со своими подчиненными.

Вот так и началась самая, быть может, главная битва в жизни кавалера. И начиналась она не так, совсем не так, как ему хотелось бы.

Генерал уже злился. Все, все было глупо, с самой посадки на баржи, которую ему нужно было поторопить, а не ждать, пока солдаты не спеша насытятся. В баржах бы доели. Потом эта третья рота... Черт бы ее побрал с ее тупыми сержантами и ничтожными офицерами. Рота, которая, как нарочно, долго выгружалась и долго строилась. И тут ему некого было винить, кроме себя, ну не Фильсбибурга же в самом деле обвинять. Волков сам ждал этих баранов, вместо того чтобы рывкнуть и поторопить их. Ну, признаться, он хотел дождаться первых дозорных, которые сказали бы ему, что вокруг ни справа, ни слева нет вражеских частей. Но ведь он все равно их не дождался, так что это не могло служить оправданием. И ко всему этому Вилли, который в простой ситуации, как говорится, на ровном месте потерял столько людей и сам получил рану.

И как результат — вместо того чтобы уже ворваться в лагерь врага, кинуться к его палаткам, чтобы убивать неготовых к бою и мечущихся без командиров и без доспехов солдат врага, Волков видел перед собой вот это!

Им навстречу, перегораживая широкую улицу, такую широкую, что и шесть телег смогли бы разъехаться по ней враз, строились горцы-сволочи. Строились по-деловому, умело, быстро. Это не третья

рота капитана Фильсбибурга. Первый ряд в тридцать человек — сплошное железо. У любого, кого ни возьми, доспех на три четверти. Все как положено: пики, пики, копья, алебарды, протазаны. И после первого ряда еще шесть рядов отличных солдат. В первом их ряду, кроме бородатых «стариков», есть и молодые бойцы, так они от нетерпения аж пританцовывают, от избытка сил аж подпрыгивают на месте, так им не терпится начать. Пока до конца не построились, даже кричат в сторону солдат Волкова что-то обидное. Как построятся, так слова больше не произнесут, звука не издадут, драться будут молча, со стиснутыми зубами. А пока задираются.

Надсмехаются, жестами показывают, как глотки резать. Одна радость, что их и на семь рядов толком не хватило, всех горцев тут и двух сотен не будет. А арбалетчики их и вовсе с глаз пропали. Это, с одной стороны, хорошо, теперь для Вилли раздолье, но с другой стороны, они неизвестно откуда могут появиться.

— Вилли! — крикнул генерал. — Чего ждете, капитан?! Начинайте уже, пока арбалетчики не пришли и не перебили вас всех.

— Да, генерал! — Тот, хромая, увлек за собой первую линию своих людей на позицию стрельбы.

— Пятьдесят шагов, не больше! — распорядился Волков. — В морды стреляйте, в лытки, иначе вы их не возьмете!

— Да, генерал.

— Капитан Фильсбибург, — продолжал орать генерал, — вы что делаете?!

— Баталию строю! Десять линий поставлю, господин генерал!

— Нет! Восемь линий по тридцать два человека. Остальных в колонну по шесть, ставьте их в тылу баталии. То резерв будет.

— Будет исполнено, господин генерал.

— Румениге, Габелькнат. — Волков обернулся к молодым господам.

— Да, сеньор. — Господа, сразу видно, волновались.

— Возьмете каждый по три гвардейца...

Господам аж в седлах не сиделось: сейчас им дадут первое боевое задание, настоящее задание.

— Объедете все двory, что рядом, берите все, что горит...

— Все, что горит? — удивленно переспросил Габелькнат.

— Да. Дрова, хворост, сено, солому, масло, смолу — все-все, что горит, — и свозите сюда. Всякого, кто посмеет перечить, убивайте без промедления.

— А зачем же нам все горячее? — спросил слегка разочарованный Румениге, видно, не такого задания он ожидал.

— Если на крыше какого дома появятся арбалетчики, надо сразу дом тот поджечь, — отвечал генерал, не отрывая взгляда от врага в конце улицы, и по тону его сразу всем становилось ясно, что он знает, что говорит, а старый солдат еще добавил: — А может, нам еще и всю улицу придется запалить... Так что не стойте, не стойте тут, делайте что велено.

Вилли со своими людьми уже вышел на нужную дистанцию, Фильсбибург достраивал роту как надобно, но Волков не очень-то на них надеялся. Единственное, что его успокаивало, так это те звуки, которые опять доносил до него ветер. Это были такие приятные звуки. Он снова слышал залпы мушкетов: Брюнхвальд и Роха делали свое дело.

